

идти вместе с ним в город к обедне в честь царских именин, обещая расчет по возвращении. В церкви Димитрий узнает воевод, ранее служивших ему, и пытается разглядеть царя, сидящего на престоле. Царем оказывается ангел, который возвращает Димитрию его прежнюю власть, объяснив все случившееся наказанием божим.

Для повести характерно сочетание книжных и фольклорных традиций в развитии сюжета. По-видимому, объединение этих противоречивых тенденций произошло уже в архетипе памятника, так как сочетание книжного и фольклорного планов можно отметить в каждом из известных в настоящее время списков повести. Абсолютно для всех вариантов характерно использование таких чисто сказочных мотивов, как заманивание зверем героя в чашу леса; троекратное испытание героя в работе у крестьянина; сказочная удача царя-работника, который пашет «единою шкапою аки десятию», а хлеб у него родится «в семь седмицею». О фольклорной традиции свидетельствует и употребление чисел 3 и 7 в оборотах типа «в семь седмицею», «три дня и три ночи» и т. п.

Книжный характер повести выражается прежде всего в самой «привязанности» сюжета к цитате из священного писания; вся повесть создается с целью раскрытия, конкретизации общего положения, обозначенного цитатой, и в связи с этим усиливаются элементы назидания и поучительности, характерные для древнерусских дидактических сочинений.

Однако ни нравоучительная, ни фольклорная, сказочная тенденции по отдельности не определяют характера произведения в целом, хотя иногда можно отметить преобладание одной из них. Главной особенностью памятника является его занимательность, и для ее достижения автор в равной мере использует и книжные, и фольклорные мотивы; своеобразная экзотика повести достигается перенесением места действия в Рим и изображением героя «цесарем Римским», несмотря на несомненно русские реалии (описание крестьянских работ, система наема батрака на год, термины «великий князь», «Дмитриев день» и т. п.). Герой повести не соотносится ни с одним конкретным историческим лицом, и это связано с характерным явлением литературы переходного периода — рождением вымышленного героя.⁴ Свободное отношение автора к книжной традиции, занимательность памятника, его близость к устному творчеству позволяют поставить «Повесть о Димитрии Римском» в один ряд с теми повестями «нового типа», новеллами в чисто литературном смысле, о которых писал М. Н. Сперанский в статье «Эволюция русской повести в XVII веке»;⁵ их сближают не только указанные общие черты, но и своеобразная «маскировка» под историческое сочинение — беллетристическая повесть в момент своего рождения еще не смеет отказаться от старых, привычных форм.

Вопрос о времени создания «Повести о Димитрии Римском» может быть разрешен лишь приблизительно. Самым ранним из известных списков является список ОЛДП. Q. 155 (в дальнейшем: О), датируемый первой четвертью XVIII в.; список собрания Барсова (в дальнейшем: Б), изданный М. И. Соколовым, датируется XVIII в.; список ИРЛИ, собр. Богословского, № 28 (в дальнейшем: И) относится к первой четверти XIX в. Ни один из списков повести нельзя считать ее оригиналом, так как каждый из них содержит явные пропуски и ошибки переписчиков.

⁴ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 119—140.

⁵ М. Н. Сперанский. Эволюция русской повести в XVII веке. — ТОДРА. т. I, Л., 1934, стр. 351—359.